МЕРИ НАЗАРИ

16+

ПЛАЗМОИДЫ В КОСМОСЕ

ИЛИ НИКТО КРОМЕ НАС

литературный конкурс

Проект особого значения

ЗАСЛОН

ЛитРес:

МеРи Назари

Плазмоиды в космосе, или никто кроме нас

«Автор»
2022

Назари М.

Плазмоиды в космосе, или никто кроме нас / М. Назари — «Автор», 2022

На границе Солнечной системы посланный на излёте XX века в секретном режиме космический корабль обнаруживает непреодолимую преграду и возвращается на Землю ни с чем. Согласно парадоксу «близнецов» – и ни к кому: близкие все умерли или безнадежно состарились. Да и с Землёй XXIв. не все в порядке.На общем собрании экипаж решает стать цивилизационным хакером. Оригинальный способ «вывернуться из мертвой петли» найден. Да и человеческая раса спасена. Но логистики, воспользовавшись занятостью экипажа, "угоняют" корабль и извращают достижения.Вступают в действие неизвестные доныне космические законы.

© Назари М., 2022
© Автор, 2022

Содержание

Рассказ Громова 5
Секрет Эйнштейна 6
Марс-зараза 8
По камерам! 12
Конец ознакомительного фрагмента. 15

МеРи Назари
Плазмоиды в космосе, или никто кроме нас

«Редчайший пример научной мысли, когда вы достраиваете на основе логики то, что совсем еще не знаете. Это часто бывает неудачно —мало ли , что вы там придумаете…Очень странная функция хомосапиенс: мы отдаем накопленные знания следующим поколениям, вовсе не убежденные в восприятии, ни в пользе, ни в правоте даже».

С.Э. Шноль (1930-2021гг.)

«С.Э. Шноль посвятил жизнь изучению неповторяемости»

Виталий Правдинцев

Рассказ Громова

Тема цивилизационной евгеники дает в два раза больше вопросов, чем ответов. Потому и отвечать на них не рекомендуется, чтоб не множить проблемы. Другое дело—описательная реконструкция некоторых событий прошлого, которые могут пролить свет—неважно, какого он цвета—на склеенные прежде страницы истории.

Мое повествование основано на рассказе корабельного техника Громова, в свое время служившего на «Удале». Да-да, на том секретном корабле, который на изломе миллениума не справился с заданием правительства и не нашел выход из Солнечной системы. Не преодолел в расчетном месте плотной капсульной оболочки, обволокшей гелиосферу, и, согласно приказу ЦУП, должен был возвратиться домой. Но на уровне Марса «Удал» повернул обратно в холодную и мрачную пучину космического холода…

Непредубежденная и более осведомленная, чем я, ты поймешь, ознакомившись с моими записями, почему я, слушая рассказ, старался запомнить каждое слово разговорившегося старика, а после того, как наша встреча закончилась, бросился фиксировать по свежим следам каждую упомянутую деталь, точно так же, как и забытое им, о котором догадался я сам.

Хочу добавить, что некоторые фишки рассказа самым подозрительным образом восполняют белые пятна официальной истории, да так полно, что это не кажется мне случайным совпадением. То, что эта история коррелирует с последним великим открытием, пришло мне в голову гораздо позже, и я не понимаю до сих пор, как к этому относиться, ибо оно слишком перевернуло нашу жизнь, но лишь время покажет, чего оно стоит в действительности.

Не буду больше злоупотреблять твоим терпением и представлю тебе свои записи в натурном, что касается фактологии, виде, для достоверности облегченной в художественную форму. Ибо ничто не может быть убедительней образа, даже сама правда.

Секрет Эйнштейна

При отключении субсветовой скорости автоматика космического корабля отключила искусственное освещение. Отраженного свечения Марса оказалось достаточно, чтобы залить кают-компанию пусть красным, но довольно ярким, светом.

Напротив иллюминатора «вспыхнула» шевелюра бюста создателя теории относительности.

–Ё-моё… Эйни загорелся!—раздались восклицания.—Прям красный дракон. К чему бы это?

Противоположная иллюминатору стена просто пылала, что сужало помещение до ощущения сердцевины костра—жутковатого, холодного, инфернального.

–Будто на пожаре, но без пожарников,—сказал кто-то особенно впечатлительный.

–У пожарных дел полно—загорелось домино!—продекламировал стрессоустойчивый техбезопасник.

–В этом цвете есть что-то траурное,—отметил художник.

А штурман, он же, в одном лице модератор планерок под ником Shturm, вздохнул:

–Что поделаешь: Марс—Бог войны.

Сдвинул шторы и внимательно оглядел наполовину заполненные ряды зала. Угрюмые лица бойцов дневной смены, застывших серыми оковалками в подсвеченных красным креслах, не дрогнули ни единой жилкой, словно пребывали в глубоком сне.

–Скоро нас встретят Зевс с Посейдоном,—донеслось из конца зала.

«Географически корректное замечание…но намек на мстительных богов древности в данных обстоятельствах нежелателен».

Так счел модер и поспешил сгладить высказывание.

–«Удал» так легко глотает пространство между планетами, что становится страшно за Солнечную систему!

В ответ насмешливо хмыкнули.

Да, не очень-то удачно. Наверняка кто-то вспомнил, как те же слова Shturm произнес год назад. Тогда они, одухотворенные надеждой, пролетали Марс по маршруту ТУДА.

Вот теперь, с меньшей скоростью, летят ОБРАТНО.

Духоподъемная реплика не возымела былого действия—лбы еще больше накренились вперед, глаза запали в глазницы. Рельефная масса слилась в неподвижную маску.

Начальник экспедиционного корпуса – НачЭк – сунулся было сюда по привычке после ночной смены и аж присвистнул:

–Мамочка родная, до чего ж вода…—Он оборвал себя на полуслове: ожидал увидеть красных молодцев, а увидел красных раков…– Эй, вареные креветки, не умеем проигрывать? Ну, так давай развернемся—и обратно! Возвратимся в пояс Койпера, разыщем кьюбивано[1], не тронутые вниманием… Да не парочку, как прежде, а каждому по парочке. Облагодетельствуем куски «грязного снежка»[2] нашими звездными именами…

–Вернемся,—заткнули спич,—так и загнемся.

–А че так? Негодное предложение?

–ОПК, Кентавры, Плутино[3]… кому нужны дерьмовые ошметки Солнца?

–Хуже,—высказался космонавт в серой униформе,—скорее пятой цивилизации.

---

[1] Кьюбивано—классический объект пояса Койпера(ОПК) в диапазоне 40-50 а.е. от Солнца, *здесь* - малая планета.

[2] «Грязный снежок»—второе название пояса Койпера.

[3] Кентавры, Плутино—подгруппы ОПК.

–Землино[4] в томатном соусе,—съехидничал художник.—Воспоминание о будущем.

–Но-но! Хамфуд-хамстед! Поосторожней с метафорами! Беду накличете,—разозлился НачЭк.

Полный отстой и неудовольствие до рвоты. Суточный недосып начальника тому благоприятствовал.

Но команда поддержала художника.

–Прав Коротышка Карандаш. Стремно возвращаться. Дома не ждут. Кому нужны красны молодцы, когда жены состарились? Отцы умерли, а дети годятся в отцы…

–Не вижу проблемы, братва,—прогудел социолог по прозвищу Пономарь.—Пусть дети нас усыновляют: кормят, поят, развлекают.

–У тебя ни жены, ни детей,—парировала «братва».—Вырастить ребенка—не выкормить цыпленка.

Пономарь хохотнул. Простодушно, но получилось зло.

–Любовь до гроба—дураки оба. Детей никто не воспитывал. По разным причинам—ни я, ни вы.

НачЭк плюнул и вышел. В закрывающемся за ним растворе сделал рукой у лица такое движение, будто смахивал слезу. Или всем захотелось так увидеть. Все помнили его историю: романтическая любовь, обручение—и полет вместо медового месяца. Мечтал, видишь ли, о последующем счастье, которое обеспечит своим подвигом. Ну так не рассчитал маленько—с кем не бывает. Когда вернется, его жена состарится. Как в старой песне да с новыми словами: «радостно встречать его с маленьким сыном выйдет к перекрёстку старушка-жена». Только вот прикол: сына-то нет. Была дочь. Но согласно левым инфо, погибла при сходе лавины с Эльбруса. Вместе с матерью.

–Чертов Эйни.

Конечно, гений виноват в том, что открыл закон относительности. Это из-за него на «Удале», мчащемся в космосе на скорости, близкой к скорости света, время замедлилось. Оттого у всего экипажа кошки на душе скребли. Как встретят их «повзрослевшие» родные? Сыновья—ровесники, и дочери уже с семьями… О внуках страшно и думать. Будут ли похожи они на детей, оставленных полвека назад? По собственному разумению их теперь уж не воспитать. Как быть? Как вписаться в реальность?..

–Шваркнуть бы бюст этого засранца о марсианский Олимп! Отметить столетие смерти. Ведь Олимп – это бог забытья.

–Подзабыл, старик, это бог плодородия.

–«Старик»…Это по земному времени минуло полста лет, а для нас—всего минутка.

–Не Эйни законы делал,—провестили с задних рядов.—Он только предупредил, а кто не слышал, он не виноват…

–Ребята!—предположил какой-то оптимист.—А может, Эйнштейн только навел шухер? Вдруг на Земле все молоды, как мы? Ведь закон относительности должен быть справедливым и для нас, и для них.

–Мечтать не вредно…так хорошо и для всех сразу не бывает…

–Просто Эйни был адептом антропного принципа, но никто этого не заметил,—сказал художник.—Антропный принцип—это, конечно, глупость, но так оно и есть.

[4] Землино—по аналогии см. выше.

Марс-зараза

НачЭк вышел в коридор и, задумавшись, прошел вдоль метров тридцать, но тут поднял взгляд—и застыл на мгновение. Со стороны можно было подумать, что в его глазах метнулись цветовые молнии. Он резко повернул обратно, чтобы заскочить в боковое помещение обзорного поста.

Зал кают-компании продолжал наполняться. Дневная смена все прибывала: парочка механиков из инструментального блока, биолог, геолог, цивилиолог, четверка айтишников, логистики. Только из безопасников не было никого: присутствовать без присутствия—это их работа.

–И впрямь Марс—зараза,—хмуро покачал головой Комкор.

Как командир корабля он сидел за столом в президиуме вместе с модератором.—Вглядываясь в пасмурные лица экипажа, вспоминал предупреждения бывалых поселенцев насчёт ауры Марса: мол, простирается она «на тыщу кэмэ».

Нацарапав название темы на листочке, Комкор передал записку в первый ряд Борису Яшину—цивилиологу. Для чего такая должность была в штатном расписании, неизвестно. Но она была, и Борису вменялось в обязанность просвещать экипаж в виде лекций насчет всякого рода технологий прошлого, настоящего и будущего. Командир подмигнул и крутанул сжатой кистью руки, будто помешивая кашу в кастрюльке.

–«Давай-ка поменяем очередность докладных тем,—прочел цивилиолог,—Поговорим о размножении цивилизаций. Такого топика вроде не было».

Цивилиолог кивнул в ответ: «понял». Он завсегда готов к подвигу, если только тот в рамках профессии. Выдвигаясь за кафедру с подключенным ланшетом, он уже «переобулся в воздухе». На дисплее—меню архива, а в голове—блок из клипов лекций. Жми на кнопочки, согласно инструкции, в случайной последовательности – все дела.

–В природе наблюдается разнообразие форм разума…—начал он.

–…индивидуальных, национальных и расовых,—продолжил слушатель с первого ряда, —углеродных, кремниевых, полевых…

–…Гипотетический Творец словно озабочен тем, чтобы создавать невообразимые миксты, вталкивая сознание в разнообразные формы…

–…белковые, кремниевые, полевые…—эхом отозвались сонные голоса.

–…пока есть хоть один атом, можно говорить о материальности…

–…но не наоборот…

Кто-то шумно вздохнул:

–Эх, матушка-росси, опять все по писаному.

Комкор не учел, что в полете времени было предостаточно, чтоб запомнить наизусть укомплектованный научпоп, и экипаж, глазом не моргнув, мог теперь цитировать видеотеку с любого места—задом наперед и по диагонали.

Доклад действовал как колыбельная. Он усыплял даже тех, что вначале бодрились. Даже социолог Пономарь стал клевать и присвистывать носом.

Но из-за шторы высунулся профиль бригадира логистов.

–Плазмоидная нечисть к человеческой расе относится?—спросил он, тыкая пальцем в треки световых сгустков в иллюминаторе.

—Плазмоидная нечисть…—повторил НачЭк, прислушиваясь к боковому динамику,—«человеческая раса»…кто это там выёживается?» Наклонился, поискал глазами на

правом дисплее: «Фу-ты ну-ты, востроглазый шевалье Шанкр своей персоной—кто б сомневался!»

НачЭк быстро утратил интерес к побочной информации. Перекинув внимание на фронтальный экран, он сразу как-то напрягся, впился в него глазами, а к беседе в кают-компании прислушивался теперь лишь вполуха.

С камеры, вынесенной далеко в космос, корабль обозревался почти целиком. Разноцветные пятна в конце коридора, привлекшие внимание НачЭка, сейчас вывернули из-за грузовой консоли и показались в поле обзора. Значит, не иллюзия они и подвержены наблюдению…

—Достали…Деловые…Шныряют, будто разведгруппа параллельного мира!—поддержал «востроглазого шевалье» второй пилот, Григорий Белов—любитель экшн-игр.

–Высокоэргичное оружие Солнца,—пояснил астрофизик,—опасная для живой материи бомбардировка сгустками плазмы…

–Девастируй лазером, Гришка,—посоветовал один из игроков.

Сонная массовка кибер-игрунов шевельнулась и выдавила из себя воинственное брюзжание.

–Сбацать бы раунд…мы б им…

–Господа, делаем ставки!

—Альм,—сказал НачЭк в микрофон,—попроси мне астрофизика. Я в левой обзорной.

Докладчик меж тем стоически сеял в массы разумное, доброе, вечное:

–До сих пор цивилизации дано было уничтожать растерзанных аборигенов и грабить их имущество, но теперь…

–Да будет земля им пухом,—отозвались из зала.—А как насчет состава плазмоидов?

«Зациклились…»—досадовал докладчик, а вслух отвечал:

–По научным данным, плазмоиды состоят из небарионной материи, которая…—и замолчал, чувствуя, как мозговые извилины заехали одна на другую.

–То есть не имеют ни атомов, ни молекул в составе?—помог ему, как бы интересуясь, Комкор.

–…в которой нет ни молекул, ни атомов, ни кварков…

–Это души святых!—донеслось из правого угла зала.

–Неправда, это бездушные призраки,—оповестили из левого.

…—«Души святых…»—повторил НачЭк сквозь зубы, запуская программу анализа паттернов световых пятен,—…или все же «бездушные призраки»?

Глянув на результирующую гистограмму, стукнул себя ладонью по лбу и нажал клавишу повторного вызова бортового робота.

—В чем дело, Альм? Где Горев?

—Горев на подходе, Кирилл Савельевич,—ответил машинный голос.

НачЭк нажал на третью кнопку, и изображение голубой планеты с быстро вращающимся желтым спутником столь же быстро выросло до размеров экрана…

Докладчик бубнил:

–…Кооперация—твердыня человечества, в котором нет смысла без командного духа созидания. Разрушители цивилизаций первым делом дезинтегрируют ее…

Но аудитория, сама по себе дезинтегратор, зацепившись за новенькое, не желала отступать. Мозг, как хищник, требовал свежака.

–Долой твердь, да здравствует плазма! Стало быть, это темная материя?

–Возможно,—отвечал, уже откровенно страдая, докладчик.—Разновидность вот только не известна. Может—из нейтрино, может—из мудлонов…

–А может, из мыслящей материи?..

Докладчик потер виски.

–Если б плазмоиды мыслили,—вырулил он,—то давно б уж вступили с нами в контакт, а не глазели бы в окна тети-кошки, подобно котятам-попрошайкам.

–Как же! Мы им и за тонну печенек не нужны!—противился зал.—А через стену им запросто… И через обшивку корабля… При прохождении через металл они взрываются…Как успокаивает!..

Докладчик активировал электронный справочник.

–Геофизик Чистолинов установил, что плазмоиды проходят через прозрачные предметы, не разрушая их. Иногда остается небольшое отверстие от 10 микрон, однако…

–Однако трупам без разницы!—продолжала насмешничать аудитория.

Перфекционист Shturm «бросился на амбразуру». Стабильность он ценил выше истины, «добиваемой» в спорах. Уж он доведет планерку до логического конца, иначе…Иначе—что? Он не знал. А пока привел историческую справку, подкрепил анекдотом, провел аналогию с сегодняшним днем, вызвав пару неуверенных смешков…

–Юпитер Марса мудренее!—резюмировал свой спич.

Зал примолк, жуя мозгами космическую концовку.

–Ты хоть сам понял, что сказал, Shturm?

…—Приветствую, камрад Кирилл! Астрофизик Горев прибыл.

—Степан,—спросил его НачЭк, пронизывая взглядом.—Не хочешь ли ты что-то сообщить мне?

Недоуменно пожав плечами, астрофизик стал было перечислять пункты планового отчета, но замолчал, увидев на экране световые пятна разных оттенков, рисующие замысловатые треки в безвоздушном пространстве.

—Я их заметил еще в коридоре,—сказал НачЭк,—в хвостовом иллюминаторе. Скажи мне, эксперт, имеются ли, хотя б по прикидке, подобные объекты в базах или это… сугубо иллюзорные создания?

—Минуточку.—Горев залистал файлы планшета.—Рапортую. Ничего экстраординарного. Плазмоиды—материальные объекты, входящие в состав солнечного ветра. Но ведут себя, бывает, довольно произвольно, отчего могут показаться разумными.

В кают-компании, между тем, воцарилась совершенная анархия. Завладела троном и покидать его не собиралась. Влияние Марса плюс эмоциональная усталость от монотонного образа жизни, неукоснительное соблюдение режима и психофизиологические ограничения, введенные на основе проб и ошибок тайной космической экспансии, казалось, объединилось против модера—бессменного стража порядка. Подойдя к кафедре, Shturm пролистал конспект докладчика.

–Не хотите про Юпитер, давайте про монетизацию…

–Чего-о?..

–Н-ну, про ловушки для хитрых задниц. Сейшелы, Бали, Канары…

–Ух, какие заманчивые ловушки,—принесся ответ с «галерки».—А уж девушки там—просто огонь!

–А никто не спорит! Даже желания не имеет!

–А вот с этим па-а-азвольте не согласиться!..

НачЭк рывком приглушил динамики.

—Продолжайте, камрад Горев.

—О плазмоидах известно как минимум два столетия назад. Я имею в виду нашу цивилизацию…

—Что значит «нашу»? Вы тоже считаете, что на Земле имело место несколько цивилизаций?

—Несомненно.

—Пруфы в студию!

—Доказательства следующие. Мегалитические строения, подземные города, полигональная кладка…—об этом лучше с археологами. Во-вторых, библейские источники об апокалипсисах, каменные «литературные» памятники… В-третьих…

—Так-так. С этого момента поподробней, пожалуйста.

Но лицо астрофизика изменилось. Он уставился на тот экран, где росло изображение ядовито-голубой планеты. Зрачки расширились…

—Но вчера все еще было нормально…—растерянно пробормотал он вместо ответа.—Не понимаю…

Он кинулся к датчикам, но был остановлен жестом начальника.

—Я уже сверился с данными радиоспектрометра. Насыщенный голубой цвет соответствует цвету расплавленного стекла… Луна в два раза дальше расчетных данных…Вместе с ускоренным вращением это делает возможным отрыв от Земли…

—А тектонический сдвиг Евразийской и Амурской плит вы видите?.. Это уму непостижимо—Байкал больше не существует…

По камерам!

«Хаос развивается по экспоненте»—повторил про себя Shturm 11-ый параграф КЗ—Кодекса звездолета.

Ему вдруг показалось, что плазмоиды—явление одухотворенное. И они уже проникли внутрь помещения, наэлектризовав собой воздух. Через считанные секунды будет взрыв… Shturm огляделся…

…Комкор о чем-то шептался с докладчиком. Цивилиолог вскинул брови, пытаясь возразить. В итоге кивнул и кашлянул.

–Тут пришло предложение…—сказал он так тихо, что услышали лишь первые ряды.

Тогда Комкор выпрямился во весь рост и объявил:

–Удальцы, мы посовещались и решили познакомить вас с одним исследованием, которое долгое время не афишировалось, находясь под грифом секретности, не исключено, что его данные и сейчас в том же статусе.

Двойным касанием лазерной указки он активировал фото известной геоточки.

–Стены, узнаваемые для любого землянина. Полигональная кладка. Акведук, выходящий из-под мегалита. Здесь, насколько можно судить по входу и выходу, русло загибается под прямым углом, скрытом от внешнего зрителя. Много лет назад,—продолжил он, скролля файлы,—я был участником раскопок ирригационной системы этого региона. Считалось, что она предназначалась для орошения зеленых насаждений инков. Однако, что было важно для подтверждения рабочей гипотезы, мы в упор не находили совпадений во времени возделывания сельхозкультур с возведением стен. Похоже, обживать постройки стали гораздо позже, чем они были построены. Одним словом, инки основали свои поселения в Перу, когда там все уже было готово и застроено мегалитами.

–Противоречие с официальной версией налицо,—сказал историк.

–Но не это самое главное,—сказал цивилиолог.

–Вообще, это не главное,—сказал Комкор.—Важно другое.

Аудитория затихла.

–Не знаю, кто автор гипотезы, но есть мнение, что каменный дизайн древнего города активирует код земной цивилизации, воплощенный в эмбриональной форме.

Аудитория выдохнула, но затаилась еще больше. Мало кто хоть что-то уразумел из лаконичного сообщения. Большинство недоуменно взирало на фотографию.

–Непонятно, но страшно интересно!

–Это утка?—подал голос биолог

–Не утка, скорее, яйцо утки. Капсула. Эллипсоидный объект, явно не естественного происхождения. Белого цвета с металлическим ободком… Отчасти похожий на мяч регби. Назвали этот феномен Циливилизационным Посевом. Соответствует аббревиатуре «ЦП».

Короткий смешок в зале.

–Цыпа!

–Сферы, подобные этой, находят повсеместно,—сказал Пономарь.—Вы рассказали про находку в Мачу-Пикчу. А я слышал про семейку фермеров из штата Флорида. Случайно они обнаружили похожий экземпляр на пепелище плантации. Долго держали его в доме. Тот перекатывался под музыку. Потом исчез вместе с семьей.

–Музыка, боюсь, преувеличение,—сказал Комкор. По-видимому он также знал об этом случае.—Но не исключено, что она могла бы вызывать активацию кода на резонансных частотах.

–Может, и в Баальбек происходит то же самое?—вклинился в разговор археолог.—Там в каменоломнях лежат обработанные тысячетонные блоки без мало-мальской перспективы быть

извлеченными оттуда ни тогда, ни сегодня, ни когда бы то ни было. Не программа ли это, код доступа к которой нам не положено знать?

–Только не надо переживать,—сказал художник.—Жизнь родилась и обязана продолжаться. Иначе бы жизнь звалась смертью. Та без нее не может, а вот обратно –нет. Просто спит. Ответ на ваш вопрос понятен. Чьего поцелуя ждет спящая царевна? Ну конечно—поцелуя принца.

Зал заколебался от смеха, несколько повышенной громкости. Очевидно, сказалось длительное напряжение. Шквал восторгов долго не утихал:

–Спит вмертвую. Проще только апельсин!

–Дарвина на свалку. Сбылась мечта идиота!

–Элементарно, Ватсон: жизнь посеяна. Трудно было догадаться!

–Мы не стая обезьян, слава тебе лысина. Мы из капсулы!

–Ату британских ученых! Долой Ньютона! С Френсисом Бэконом разберемся!

–С яичницей—тоже!

Комкор обвел взглядом ожившие лица. Задача номер один выполнена: проснулись все: противники обезьян, оппоненты науки и верующие в образ Бога на земле. Важно теперь направить поток в нужное русло.

–И яичницу достали,—сказал он.—Давайте теперь не путать ее с божьим даром и говорить только по существу.

Из зала поинтересовались:

–Если с нами, цыплятами из одного яйца, непорядок? Нас «неафишированные» силы заменят?

–Это возможный вариант развития событий.

–Значит, мы заменяемы?

–И это допустимо.

–А если с нами всеми что-то не так, то из очередного яйца вылупятся подходящие?

–Риск—благородное дело.

–А мы как, только на запчасти?

–Не будем о плохом.

–Ну уж нет,—раздался резкий голос из-за шторы:—Нюхом чую: кто-то здесь боится говорить правду!

Комкор ответил:

–Мы с вами по одну сторону баррикады, замалчивать как бы ни к чему…

Однако маховик настроений продолжал крутиться и креститься, как ось юлы, в разные стороны. «Успокоение сенсацией» обломалось. Вместо распыления «валерьянки», чиркнули спичкой перед спиртовкой, а ту кинули в сухие дрова—там уж полыхнуло.

Из президиума хорошо было видно, что «шалтая-болтая» заводили космонавты в серой униформе—логисты. «Сероблузые», как их называли на корабле.

–Граница Солнечной системы—это прикрытие!—кричали они.—Цель нашего вояжа в другом! От нас скрывали. Мы должны знать, что обречены на неудачу, это наше право! Не наша вина в том, что мы не пробили оболочку и не совершили гипер-скачка…Мы не справились…Нас в угол…к стенке…

Сидящий на посту у иллюминатора скомандовал:

–Срываем камуфляж как символ дозирования информации!

–Вы имеете в виду принцип избыточного познания?.. В Перу мы решили заморозить новость от разглашения до более подходящего момента. Как бы вам это не нравилось, но ученые археологи оказались тогда правы. Ведь Земля—это тот же «Удал», только бóльшего размера…

Комкор осекся. Он кожей почувствовал: логика тут вовсе не то, на что надо делать ставку. Объяснение не успокоит, а только разозлит бунтующих.

Двое сероблузых вскочили с мест и схватились за штору. Она разорвалась пополам и повисла двумя лоскутами. Один из них упал на лидера мятежников, который не преминул им закутаться, как римский патриций. «Начальник логистического звена…—узнал Комкор.—Как бишь его? Да, Шанкр…Странный ник…»

Тот сидел на низкой тумбе увлажнителя воздуха и осматривал поле действий, торча из-под лоскута острыми, как у кузнечика, коленками.

Все снова стало красным светом.

Теперь Комкор понимал, что «депрессия» была лишь заморозкой эмоций и ожиданий. Рано или поздно им суждено вырваться, возможно, с серьезными разрушениями.

–Хотим вернуться со славой!—кричали космонавты.—Не хотим жить в позоре!

Кулаки, сжатые у горловин хитонов, будто пытающиеся разорвать их, были красноречивы. Комкору показалось на миг, что эти руки находят его ворот—и он невольно отклонился к спинке кресла. Привычные формулы сознания рубились невидимым топором, расплывались и теряли логическую связь друг с другом. «Мы расстались с семьями вопреки всему…», «Наши жены состарились!», «Наши дети без нас ушли в жизнь!»—как сквозь слой ваты, доносились обвинения и, наконец, возмутили.

–Я три дня назад посылал запрос на Землю—все живы и здоровы!

–Не притворяйтесь наивным! Вы хорошо знаете, как это делается! Сейчас они живы-здоровы, а через час—в гробу!

–Уверен, за время нашего отсутствия медицина, шагнула вперед…

–Знаем мы эти штучки! На укольчиках наших жен держат, как пить дать. А как вернемся—так все и начнется—одна за другой… НА УКОЛЬЧИКАХ!!!

Черный силуэт на фоне «обнаженного» Марса заявил:

–Чудес не бывает! Может, и без укольчиков, так все равно—старухи! А детки нас усыновить захотят. Кто им запретит нас за наши достижения за шкирку—да на солнышко. Мы б на их месте так и сделали. Спросите свою совесть—она вам даст честный ответ.

Стихийный митинг продолжался, бился, рокоча и клокоча. Разбудив дремлющую стихию чувств, президиум лишь переглядывался. Призывы к разуму не действовали. И, похоже, не подействуют, если не предпринять нечто неординарное.

Замигал индикатор тревоги. С кормы корабля пришло сообщение, что датчики шума зашкаливают. Комкор поднял руку, очередной раз пытаясь утишить гвалт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.